

ДАНИЛ ВЕКТОР

ЗАПРЕДЕДЕЛЬЕ

ДРУГОЙ МИР. ДРУГИЕ ПРАВИЛА. ОДИН ВЫБОР.

ТАМ, ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КАРТА,
НАЧИНАЕТСЯ ИСТИНА

Данил Вектор
Запределье

«Автор»

2026

Вектор Д.

Запределье / Д. Вектор — «Автор», 2026

Роман рассказывает историю Кирилла — успешного, но внутренне опустошённого предпринимателя, который решается кардинально изменить свою жизнь и уехать в глухую сибирскую тайгу. Стремясь вырваться из привычной рутины и обрести утраченное чувство жизни, он строит автономный дом вдали от цивилизации. Однако после загадочной грозы его дом вместе с участком земли переносится в иной мир — Запределье. Это суровое и чуждое пространство, где соседствуют древние существа, альтернативные формы жизни и люди, оказавшиеся здесь по воле неизвестной силы. Столкнувшись с новой реальностью, Кирилл вынужден не только выживать, но и заново определить своё место в мире, где привычные законы больше не работают. Постепенно он осознаёт, что его появление — не случайность, а часть более сложного замысла. «Запределье» — это история о поиске себя, внутреннем кризисе и преодолении, соединяющая элементы психологической прозы, приключения и фантастики.

© Вектор Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Данил Вектор

Запределье

Глава 1

Резкий удар в грудную клетку — воздух выбило из лёгких. Я полетел назад, упал на землю и проехался на спине пару метров. Грудь сдавило болью. Вдох не получается. Ещё попытка. Соберись. Давай, маленькими вдохами. Есть. Ещё немного Уже лучше.

Я открыл глаза. Всё расплывалось от слёз. Надо проморгаться. Вот так. Уже лучше. Перед глазами — хмурое небо.

Господи, что происходит?

Надо ещё вздохнуть. Вот, уже почти нормально. Я могу встать? Нет. Не получается даже голову поднять. Ничего, сейчас полежу немного и встану.

Слышу крики. Нет, не крики — рёв.

Я — Урук. Урука я помню. Это он меня так приложил. Ему кто-то орёт: «Уговор до первой крови! Бой окончен!»

Да пожалуйста Пусть бой будет окончен.

У меня что, кровь? Я поднял руки перед глазами. Что происходит?

На правой руке, под кожей, светятся линии — как будто вены проступили, только светятся. Но это не вены. Это больше похоже на узоры Как дорожки на компьютерной плате, нарисованные безумным дизайнером. Светятся теплым желтым цветом или светом. Не знаю как тут правильное.

Я не помню, чтобы у меня такое было.

А что я помню? Бой — помню. Договор — помню. Так. Как меня зовут? Кирилл. Значит, тоже помню. Как я тут оказался? Где я сейчас? В Запределье. Как я сюда попал?

Я задумался Помню.

А началось всё с того, что я сидел на работе.

Если быть совсем точным — я сидел на своей работе. В том смысле, что это мой бизнес, мой кабинет, мой стол, мой кондиционер, который то гудит, то капают, и мои проблемы, которые никуда не деваются, даже если сделать вид, что их не существует.

Начальник. Владелец. Ответственный за все. Смешно, конечно. В детстве казалось, что вот оно — вершина. А по факту это просто отдельный вид клетки, только с хорошей мебелью.

Я смотрел в монитор, но не видел ни цифр, ни таблиц. Глаза бегали по строкам автоматически, как у водителя, который едет знакомый маршрут и не может вспомнить, как проехал последние пять километров. Все делалось по инерции.

И внутри было одно ощущение — достало.

Не резко, не с криком «все, хватит». Нет. Это когда усталость становится фоном. Как шум трассы за окном. Ты его вроде не слышишь, но, если он вдруг исчезнет, станет страшно.

Возраст у меня уже скажем так, такой, когда врачи начинают говорить «в вашем возрасте это нормально», а друзья все чаще обсуждают не планы, а диагнозы. Не старый. Но и не молодой настолько, чтобы верить, что впереди еще куча попыток.

Самое обидное — у меня ведь все получилось. По общепринятым меркам.

Бизнес есть. Деньги есть. Крыша над головой есть. Машина хорошая, не стыдная. Даже время свободное иногда есть. А вот ощущения, что я живу — нет.

Как будто все это время я аккуратно выполнял инструкции. Чужие, правда, но аккуратно. Школа, институт, работа, семья, бизнес. Галочки расставлены. А где-то между пунктами «обязан» и «надо» потерялся я сам.

У меня трое детей.

Сын Пашка — девятнадцать. Взрослый уже, но еще с этим дурацким максимализмом, когда кажется, что ты все понял, а мир просто тормозит. Девчонки: Светке двадцать пять, Татьяне — двадцать три.

Жена бывшая. Катя.

Разошлись мы с ней года четыре назад. Без скандалов, без грязи. Даже удивительно, если честно. Мы вообще странная пара были. Из тех, кто друг друга бесит до состояния «еще слово — и тюрьма», но без друг друга жить не может.

Где-то после пятнадцати лет совместной жизни это началось. Собачились почти каждый день. Расходились, хлопая дверями, через пару часов мирились. Сидели на кухне, пили чай, делали вид, что ничего не было.

На двадцать третьем году решили, что хватит. Просто устали. Не от ненависти — от постоянного напряжения. Как струна, которую давно пора было ослабить, но никто не решался.

Бизнес продали. Я хотел оставить его Катьке, но она побоялась, что одна не вытянет. Зря она смогла бы. Дом оставил ей и детям. Квартиры у девчонок уже были. Я забрал нашу старую двушку — ту самую, первую. С облупленными косяками, тонкими стенами и воспоминаниями, которые иногда били сильнее, чем алкоголь.

Для сына взяли современную, на стадии котлована. Все равно пока не нужна.

Девчонки живут с матерью. Светка только недавно начала задумываться о совместной жизни с парнем. К слову, в двадцать пять лет, парень. По моему скромному мнению, в этом возрасте уже пора быть мужиком. У меня в двадцать пять было двое детей, бизнес на коленке, ипотека и хронический недосып. Но это мои тараканы, я их не раздаю.

Таня учится на журфаке. Профессия, как по мне, бесполезная, но не мне решать. Она у нас умная, упрямая, вся в мать.

После развода ни я, ни Катя так ни с кем и не сошлись. Даже не пытались толком. Иногда ходим друг к другу «дружить». По очереди. По необходимости. Странная форма близости, но нам подходит. Наверное.

Самым главным своим достижением я считаю. Что дети не выросли мудаками.

И вот сижу я в своем кабинете, закрываю один отчет, открываю другой — и вместо цифр начинаю листать фотографии восточной части страны.

Тайга. Реки. Сопки. Снег. Дороги, уходящие в никуда. Маленькие домики посреди ничего.

И меня туда тянет.

Не романтикой. Не мечтами о подвигах. Просто тянет. Как будто кто-то аккуратно, без спешки, тянет за нитку, а ты сначала сопротивляешься, а потом ловишь себя на том, что уже встал.

Почему — не знаю. Я там никогда не был. Не охотник, не таежник, не выживальщик. Максимум — шашлыки и рыбалка выходного дня. Но ощущение было такое, будто я смотрю не на фотографии, а на что-то свое. Потерянное.

Сидел я так, сидел, и в эту больную голову пришла идея. Простая. И страшная.

А что, если взять и уехать?

Не в отпуск. Не «проветриться». А насовсем. Продать все, что держит. Сменить декорации. Проверить, остался ли я вообще живой или давно существую по инерции.

Надо что-то делать. Надо что-то менять.

И тут неожиданно дзынькнуло в новом навязанном мессенджере. Контакт: Сергей, одноклассник. Теперь пользуется этим «Приложением». Ну конечно. Сергей всегда любил все странное и новое.

— Серега — пробормотал я. — Ты-то мне и нужен будешь.

Я нажал кнопку громкой связи:

— Дима, зайди ко мне, пожалуйста.

Через пару минут в кабинет зашел Дима. В моем сервисе он был всем сразу: мастером, управляющим, менеджером, психологом и еще бог знает кем. Если бы завтра случился конец света, я бы первым делом проверил, на месте ли Дима.

— Дима, есть задача, — сказал я. — Помнишь, я рассказывал про свой автодом?

— Помню, Кирилл Викторович.

— Нужно найти фургон. Ситроен Джампер или Фиат Дукато. Полный привод. Если не получится — Фольксваген Крафтер.

— Почему такие предпочтения?

— У них кузов кверху не сужается. Для автодома это плюс.

Дима кивнул. В глазах уже зажегся интерес. Он любил такие проекты.

— Ты же джипингом увлекался. Делай проходимость как считаешь нужным. Я тут не советчик.

— На такой фургон лучше две лебедки. Вперед и назад, — заметил он. База длинная если не вперед так назад вытащить можно было. Ну или кого-то подтянуть не разворачиваясь.

— Пусть будет две. Хоть я на нем болота форсировать не собираюсь. Это так, на всякий случай. Экспедиционный обвес. Утепление. Посмотри, как вэнлайферы делают. По наполнению я тебе скину — фото и чертежи есть, дополню комментариями. Автономка, солнечные панели — все как надо.

— Понял.

— Все, приступай. Все остальное по ходу решать будем.

Когда Дима вышел, я разблокировал телефон и нажал «Сергей».

Три гудка.

— Привет, братан. Удивил, не ждал от тебя звонка.

— Привет, Серег. Как жизнь?

— Нормально, вашими молитвами. Ты как?

— По-разному. Слушай, звоню по очень важному делу. И помочь мне можешь только ты. Только тебе могу доверить.

— Заинтриговал. Рассказывай.

Я выдохнул.

— Хочу участок. Где-нибудь в Сибири. Удаленный. С домом. Дом — современный, комфортный, автономный. Самое главное — чтобы можно было добраться без вертолета. Чтоб подальше от людей, но при желании и до цивилизации добраться можно было в течении дня.

На том конце повисла пауза.

— Ты сейчас серьезно? — наконец спросил он.

— Абсолютно.

— Ты понимаешь, что это не дача в Подмосковье?

— Поэтому и звоню тебе.

Еще пауза.

— Озадачил, — сказал Сергей.

Я усмехнулся, глядя в окно на серый московский двор.

— Я только начал.

Глава 2

Решение, как ни странно, не вызвало во мне ни радости, ни подъема.

Не было внутреннего салюта, не было ощущения «вот сейчас заживу». Было пусто. Как после диагноза, который ты подозревал, но все равно надеялся, что врачи ошибаются.

Я просто начал действовать.

Без суеты. Без лишних слов. Как человек, который понял, что дальше тянуть нельзя, и тянет не чемодан, а якорь.

Первым делом — бизнес.

Странно, но с ним оказалось проще всего. Наверное, потому что я давно уже был в нем не душой, а функцией. Контролировал, решал, подписывал, но не горел. Он работал, как хорошо настроенный механизм, и мое присутствие было скорее привычкой, чем необходимостью.

Покупатель нашелся быстро. Даже подозрительно быстро. Видимо, такие вещи чувствуют, когда хозяин уже внутренне ушел.

Мы сидели за столом переговоров, говорили правильные слова, обсуждали цифры, сроки, обязательства. Я слушал и ловил себя на мысли, что мне все равно, кто будет здесь хозяином через месяц. Не потому, что наплевать, а потому что это больше не мое.

Когда я подписал последние бумаги, рука не дрогнула.

Вот тогда я понял — решение принято давно. Сегодня просто оформили.

На улице было шумно, пыльно, по-московски. Я стоял, смотрел на людей и чувствовал себя туристом. Человеком, который задержался в городе дольше, чем планировал.

Сложнее всего было говорить с людьми, которые остались.

С Димой я не тянул.

— Уезжаю, — сказал я, когда мы остались вдвоем в боксе. Машина на подъемнике, запах масла, привычная обстановка.

— Куда? — спросил он, не поднимая головы.

— В Сибирь.

Он замер. Потом медленно выпрямился, вытер руки ветошью и посмотрел на меня так, будто проверял, не шучу ли.

— Насовсем?

— Да.

Он помолчал, потом кивнул.

— Логично.

— Что логично?

— Ты здесь давно уже не живешь. Ты здесь присутствуешь. Мне кажется, тебя иногда даже от этого всего, даже подташнивает. Улыбаясь, сказал он.

Я усмехнулся. Попал в точку, зараза.

— Я тебя не бросаю, — сказал я. — я советовал тебя управляющим. Останешься управляющим? Все условия я даже приукрасил перед будущим владельцем он согласился.

— Я подумую, — сказал Дима. — Но автодом сначала сделаем.

Вот за это я его и уважал. Без драмы. Без лишних слов. Работа — как спасательный круг, который держит человека на плаву.

С Катей было иначе.

Мы сидели на ее кухне. Все та же кухня. Те же чашки. Даже занавески те же. И мы — вроде бы другие, но в чем-то пугающе прежние.

— В Сибирь? — переспросила она. — Ты серьезно?

— Да.

— Зачем?

Я честно пожал плечами.

— Не знаю.

Она долго смотрела на меня. Не зло. Не с обидой. С пониманием, от которого становится неловко.

— Ты всегда так, — сказала она наконец. — Если решил, то решил. Я это еще лет двадцать назад поняла.

— Я не бегу, — сказал я.

Я знаю, — кивнула она. — Ты не умеешь бегать. Ты просто уходишь, когда понимаешь, что больше не можешь.

Мы помолчали.

— Давай тогда хоть напьемся. Доставая из холодильника бутылку, произнесла она.

— Детям скажешь сам, — добавила она. — Это правильно. Одновременно выставляя рюмки на стол.

— Я открутил пробку и разлил по рюмкам. А по-другому я и не смог бы. Без прощания.

С детьми разговор вышел разный.

Пашка сначала загорелся.

— В тайгу? Круто! Типа автономка, выживание, охота?

— Типа жизнь, — поправил я.

Он кивнул, но я видел: для него это пока что фильм. Приключение. Он еще не понял, что иногда люди уезжают не за новым, а от старого.

Светка ничего не сказала. Просто обняла. Крепко, по-настоящему, как в детстве, когда я забирал ее из садика. И держала так долго, что я понял: она боится, но не скажет.

Таня, как всегда, была самой взрослой.

— Связь будет? — Будет. — Медицина? — Аптечка, запасы, план. — Деньги? — Хватит.

Она кивнула.

— Ты вернешься?

Я не ответил сразу.

— Не знаю, — сказал честно.

Она вздохнула.

— Тогда хотя бы не пропадай.

Когда все разговоры закончились, я понял одну неприятную вещь: никто меня не отговаривал. Никто не говорил, что я сошел с ума. Все приняли. Как принимают решения, которые уже нельзя отменить.

От этого стало тяжелее.

Квартиру я продал быстро. Старую двушку. Ту самую, первую. Когда выносил последние коробки, поймал себя на том, что не вспоминаю ни одного конкретного счастливого момента. Только общее ощущение старта. Начала пути.

Как будто это место выполнило свою задачу.

Сергей звонил часто. Иногда просто чтобы поговорить.

— Места есть, — говорил он. — Но, Кирилл, ты должен понимать, это не курорт.

— Я не за этим.

— Там странно.

— В каком смысле?

— Не криминал. Просто не держит людей.

— Значит, подойдет.

Он хмыкал. Я чувствовал, что ему это не нравится, но он продолжал искать.

Через пару месяцев Сергей прислал короткое сообщение:

Нашел. Место твое. Далекое. Странное. Но твое.

Я перечитал его несколько раз.

И впервые за долгое время почувствовал не тревогу и не страх, а спокойствие.
Холодное, ровное, уверенное.

Значит, пора.

Автодом тем временем превращался в нечто серьезное. Дима присылал фото каждого изменения и модернизации. Каркас, утепление, баки, проводка, крепления. Машина переставала быть машиной. Она становилась домом. Маленьким, тесным, но своим.

Дом тоже рос. Проект за проектом. Сергей подходил к делу основательно. Автономность, резерв, дублирование систем. Запасы. Все выглядело слишком логично и разумно для того, что на самом деле я делал.

Сергей выехал в начале сентября.

Он специально тянул до осени. Сказал, что лето в Сибири обманчивое: красиво, тепло, комаров — как населения в небольшом городе, и кажется, что жить можно везде. А вот осень честнее. Она сразу показывает, кто ты и где ты.

Я не поехал с ним. Не потому, что не хотел, а потому что понимал: если увижу место сейчас, сорвусь и брошу все к чертям раньше времени. А так — пусть сначала посмотрит человек с холодной головой.

Мы созванивались почти каждый день.

Сначала разговоры были обычные. Дорога, километры, заправки, гостиницы. Потом в голосе Сергея начало появляться что-то новое. Он не говорил прямо, но я слышал.

— Людей здесь мало, — сказал он на третий день. — И это не то «мало», к которой ты привык.

— В смысле?

— В смысле, что не разъехались. Их здесь и не было.

Он заехал в несколько поселков. В одних жизнь теплилась — магазин, школа, пара десятков домов. В других стояли только остовы. Дома с выбитыми окнами, покосившиеся заборы, следы жизни, оборванной не катастрофой, а тишиной.

— Уезжали медленно, — сказал он. — Не бежали. Просто однажды решили, что хватит. Меня это зацепило.

Сергей ночевал, где придется. Иногда в гостиницах, чаще — в машине. Говорил, что спится странно. Сны тяжелые, будто кто-то смотрит. Я списал это на усталость и дорогу. Он не спорил, но и не соглашался.

На пятый день он свернул с асфальта.

— Дальше только грунтовка, — сказал он. — И то не везде.

Связь начала пропадать. Разговоры стали короткими, обрывочными. Иногда он не выходил на связь по полдня, а потом писал короткое: «Все нормально. Еду».

Я ловил себя на том, что жду его звонков как подтверждения, что все это реально. Что Сибирь — не картинка из интернета, а место, где можно поставить дом и жить.

Через неделю он доехал до точки.

— Кирилл, — сказал он, и я сразу понял: это оно. — Я нашел участок.

— Рассказывай.

— Не по телефону.

— Серег

— Я серьезно. Тут нужно показывать, а не объяснять.

Он прислал координаты и пару фотографий. Плохих, сделанных наспех. Но даже через экран я почувствовал это.

Лес. Не тайга стеной, а редкий, высокий. Старые кедры, лиственницы. Под ногами — мох, камни, сухая хвоя. Рядом — река. Не широкая, но быстрая, холодная, с каменистым дном. Вода чистая настолько, что видно каждый камень.

И тишина. Такая, что даже фотография кажется глухой.

— Здесь странно, — сказал он позже, уже по видеосвязи. Связь дергалась, картинка сыпалась. — Я не могу объяснить. Не страшно. Просто не пусто.

— Люди?

— В ближайшем поселке километров сорок. И знаешь, что странно?

— Что?

— Они сюда не ходят.

— Почему?

— Не знают. Не опасно. Просто не ходят. Как будто забыли, что тут есть место.

Он прошелся по участку с камерой. Показывал рельеф, выход к реке, небольшую возвышенность. Идеальное место под дом. Сухо. Высоко. Вода рядом. Лес дает защиту от ветра.

— Документы чистые, — сказал он. — Земля как будто никому не была нужна. Ни раньше, ни сейчас.

— А сейчас?

— Сейчас — тем более.

Я долго смотрел на экран. И вдруг понял: я уже решил.

— Берем, — сказал я.

Сергей вздохнул. Не облегченно. Скорее наоборот.

— Я так и знал.

Строительство началось почти сразу.

Материалы везли долго. Дороги там были такие, что я не понимал, как вообще что-то туда доставляют. Сергей матерился, договаривался, снова матерился. Несколько раз техника ломалась. Один водитель отказался ехать обратно, сказал, что ему здесь «не по себе».

— Слабак, — сказал я тогда.

— Возможно, — ответил Сергей. — А возможно, умный.

Дом рос медленно, но уверенно. Не дача, не изба. Современный, утепленный, автономный. Генератор, солнечные панели, аккумуляторы, запас воды, система очистки. Все продумано, все с запасом.

Иногда накрывало.

Ночью. В тишине.

А если это глупость? А если я просто бегу? А если там будет еще пустее, чем здесь?

Но каждый раз, когда я открывал фотографии будущего дома, эти вопросы отступали. Не исчезали. Просто замолкали, будто ждали своего часа.

И в какой-то момент я понял: назад дороги нет. Не потому, что продал бизнес квартиру. А потому что возвращаться некуда.

Сергей жил там неделями. Иногда я ловил себя на том, что он говорит о месте не как риелтор или строитель, а как человек, который боится уехать.

— Слушай, — сказал он как-то вечером. — Ты точно сюда приедешь?

— Конечно.

— Тогда я рад, что не мне здесь жить.

— Почему?

Он помолчал.

— Потому что ты умеешь быть один. А я — нет.

Когда дом был почти готов, случилась мелочь.

Ночью сработала сигнализация.

Сергей выскочил на улицу с фонарем. Обошел участок. Следов не было. Ни людей, ни зверей. Ничего.

— Может, сбой? — спросил я по телефону.

— Может, — сказал он. — Только домовой тут, похоже, уже есть.

— Не начинай.

— Я не шучу. Тут ощущение, что дом ждёт хозяина.

Я засмеялся тогда. Нервно.

— Ты слишком долго в тайге, Серег.

— Возможно, — согласился он. — Но ты все равно сюда приедешь.

Он оказался прав.

Когда строительство закончилось, я сел в машину и поехал. Не в отпуск. Домой. Хотя тогда я еще не знал, насколько буквально это слово скоро станет.

И где-то глубоко внутри у меня было странное чувство.

Будто я не выбирал место.

Будто место выбрало меня.

Глава 3

Дорога закончилась неожиданно.

Не шлагбаумом, не табличкой и не тупиком. Просто в какой-то момент навигатор сказал свое электронное «вы прибыли», а я смотрел вперед и видел только лес. Обычный, на первый взгляд. Кедры, лиственницы, подлесок, мох. Тишина такая, что уши начинали зудеть.

Я заглушил двигатель и несколько секунд просто сидел.

Вот он. Конец пути. Или начало, тут как посмотреть.

Дом показался не сразу. Он не выпирал, не кричал о себе. Стоял чуть в стороне от дороги, на возвышенности, словно специально отступил назад, давая возможность передумать. Современный, угловатый, с большими окнами, но при этом удивительно не чуждый этому месту.

Сергей постарался. Или место позволило.

Я вышел из машины. Воздух был холодный, прозрачный, с запахом хвои и воды. Где-то внизу шумела река. Не громко, но постоянно, как дыхание.

Первое, что я почувствовал — усталость. Не от дороги. От всей предыдущей жизни. Будто я тащил за собой мешок, а здесь наконец поставил его на землю.

Дом встретил тишиной.

Внутри все было именно так, как на чертежах. Просто, функционально, без лишнего. Светлое дерево, металл, камень. Тепло. Сухо. Надежно. Ничего лишнего и ничего временного.

Я прошелся по комнатам, проверяя все по привычке: вода, электричество, связь, отопление. Все работало. Даже слишком хорошо. Будто дом давно ждал, когда им начнут пользоваться.

Вечером я впервые остался один по-настоящему.

Не в квартире, где за стенами соседи и лифт, не на даче с трассой неподалеку. Здесь одиночество было объемным. Оно не давило, но заполняло все пространство.

Я сварил кофе. Поставил кружку на стол у окна и долго смотрел, как темнеет лес. Солнце уходило быстро, без московских сумерек. Просто раз — и тени стали длиннее.

Ночью я не спал.

Мне не было страшно. Просто было тихо. Настолько, что каждый звук внутри дома казался громким. Треск дерева. Шорох ветра. Работа систем. Все было на своих местах, но мозг, привыкший к фону города, не знал, куда себя деть.

Под утро я все-таки уснул. И мне приснился дом.

Не этот. Другой. Старый, каменный, с высоким порогом и тяжелой дверью. Я стоял снаружи и знал, что, если войду, назад дороги не будет. Проснулся с этим ощущением и долго лежал, глядя в потолок.

Первые дни прошли в делах.

Разобрать вещи. Настроить режимы. Проверить запасы. Пройтись по участку. Я спустился к реке, попробовал воду — ледяная, чистая. Рыба мелькала между камнями. Лес был живой, но не навязчивый. Зверей не видел, но чувствовал их присутствие.

Иногда казалось, что за мной наблюдают. Не глазами. Вниманием. Как будто место проверяло, кто я и зачем пришел.

Связь работала. Интернет был, не быстрый, но не капризный. Я не расстраивался. Чем меньше нитей назад, тем лучше.

На третий день я заметил странность.

Инструменты, которые я оставлял в одном месте, иногда оказывались в другом. Не пропадали. Просто смещались. Я списал это на усталость. На автоматизм. На собственную рассеянность.

На пятый день ночью кто-то прошелся вокруг дома.

Я проснулся от хруста. Не осторожного, а уверенного. Как будто тот, кто шел, знал, что его услышат, и не считал нужным скрываться.

Я взял фонарь и вышел на крыльцо.

Никого.

Следы? Нет. Ни человеческих, ни звериных. Земля была мягкой, но чистой. Лес стоял неподвижно. Слишком неподвижно.

— Показалось, — сказал я вслух.

Голос прозвучал чужим.

После этого стало легче. Дом перестал казаться просто строением. Он начал ощущаться как убежище. Как граница между мной и чем-то большим.

Я начал обживаться по-настоящему.

Утренний кофе на крыльце. Работа с ноутбуком. Прогулки вдоль реки. Вечерами — книги, записи, планы. Я впервые за много лет никуда не спешил.

И именно тогда начали приходить мысли.

Не тревожные. Глубокие.

О том, что я слишком долго жил чужими ожиданиями. О том, что дети выросли, и я больше не обязан быть примером. О том, что одиночество — не враг, если ты с ним честен.

Иногда я ловил себя на том, что разговариваю с домом. Не вслух. Внутренне. Как с живым. И он отвечал. Не словами. Ощущением правильности.

Через пару недель погода начала меняться.

Небо стало ниже. Ветра — резче. В лесу появилась напряженность. Звери ушли глубже. Птиц стало меньше.

Я проверил системы. Запасы. Генератор. Все было в порядке.

Но где-то внутри появилось ощущение ожидания.

Как перед грозой.

И в одну из ночей, сидя у окна и глядя на тяжелые тучи, я поймал себя на странной мысли:

Если что-то и должно случиться, то именно здесь.

И почему-то мне было не страшно.

Гроза начиналась неправильно.

Я это понял еще утром, когда вышел на крыльцо с кружкой кофе и увидел небо. Оно было не просто серым. Оно было тяжелым. Как потолок в старом подвале, который держится не на балках, а на честном слове.

Воздух стоял. Ни ветра, ни движения. Даже река внизу шумела как-то глухо, будто звук проходил через вату.

Я машинально проверил прогноз. Интернет думал долго, как будто сомневался, стоит ли мне отвечать. В итоге выдал что-то нейтральное: «осадки, возможна гроза».

Спасибо, капитан очевидность.

К обеду стало хуже.

Лес притих. Не «успокоился», а именно притих. Птиц не было совсем. Ни стрекота, ни крика, ни хлопанья крыльев. Даже насекомые, которые обычно лезли в окна, пропали.

Я поймал себя на том, что прислушиваюсь. Не к звукам, а к их отсутствию.

К трем часам дня небо опустилось еще ниже. Облака шли слоями, медленно, как льдины. Солнце исчезло полностью, и свет стал странным — рассеянным, без теней. Дом выглядел чужим на этом фоне, будто его аккуратно вставили в картину, где ему не место.

Я проверил системы. Просто чтобы занять руки.

Аккумуляторы в норме. Генератор готов. Контуры заземления в порядке. Солнечные панели переведены в безопасный режим. Сергей настоял на этом, и тогда я посмеялся. Сейчас — поблагодарил мысленно.

К вечеру начало накрапывать.

Не дождь. Что-то между. Капли были крупные, редкие, будто небо примерялось. Удары по крыше звучали глухо, с паузами. Слишком размеренно.

Я вспомнил слова Сергея: «Осень честная». Ошибался он только в одном — честной она была не до конца.

Первый гром ударил без предупреждения.

Не раскат. Не далекий рык. Удар. Как если бы кто-то сверху хлопнул ладонями прямо над домом. Я вздрогнул, хотя ждал.

Следом пошел дождь. Уже нормальный. Стена воды, которая смыла все звуки. Дом держался уверенно. Тепло, сухо, надежно.

Я сидел за столом, пил остывший кофе и смотрел в окно.

И тогда меня накрыло ощущение, которое сложно описать словами.

Будто что-то целилось.

Не в меня конкретно. В место. В дом. В сам факт того, что он здесь стоит.

Гром гремел все чаще. Молнии били где-то в стороне, освещая лес резкими, белыми вспышками. Деревья на секунду становились плоскими, как тени, а потом снова уходили в темноту.

Я встал и прошелся по дому. Просто чтобы убедиться, что все на месте. Что это реальность, а не сон.

В какой-то момент свет моргнул.

Один раз. Коротко.

— Спокойно, — сказал я вслух. — Все рассчитано.

И тут ударило снова.

Ближе. Намного ближе.

Дом дрогнул. Не сильно, но ощутимо. Где-то щелкнул автомат. Система пискнула, выдавая уведомления. Я подошел к панели управления. Все работало, но нагрузка прыгала.

И тогда я понял, что это не обычная гроза.

Молнии били слишком близко.

Не хаотично. Не как обычно. Они словно искали точку. Пробовали. Проверяли.

Одна ударила в склон у реки. Вторая — в лес за домом. Третья — совсем рядом, в камни у подножия возвышенности.

Каждый раз интервал был одинаковый. Я машинально засекал.

— Да вы издеваетесь, — пробормотал я и проверил огнетушитель в кладовке.

Внутри поднялось странное спокойствие. Не паника. Не страх. Четкое, холодное понимание: если сейчас что-то случится, убежать некуда.

Я вышел на крыльцо.

Дождь хлестал в лицо. Ветер появился внезапно, порывами, дерганый. Небо было почти черным. Молнии резали его без пафоса, сухо, по делу.

И в этот момент я почувствовал, что дом отвечает.

Не звуком. Не вибрацией. А ощущением, будто он собрался. Замкнулся. Принял удар на себя.

Следующая молния ударила прямо в крышу.

Я не увидел вспышку — я оказался внутри нее.

Свет был везде. В глазах, в голове, под кожей. Время дернулось, как пленка, которую резко прокрутили назад и вперед. Я услышал треск, вой, металлический стон — и понял, что это не дом ломается. Это мир вокруг.

Меня отбросило назад. Я ударился о стену, но боли не почувствовал. Тело как будто перестало быть главным.

Все системы завывали одновременно. Потом — тишина.

Абсолютная.

Я лежал на полу и смотрел в потолок. Света не было. Звуков тоже. Даже дождя.
Пахло озоном. И чем-то еще. Старым. Камнем. Холодом.
Я встал. Медленно. Голова была ясной до странности.
— Ну что ж — сказал я. — Дожил.
Я подошел к окну.
И понял, что окна больше не показывают тот мир, в котором я жил утром.
Леса не было.
Была равнина. Белая. Бескрайняя. С редкими темными силуэтами, похожими на валуны
или существ. Небо было другим. Свет — другим. Даже расстояние ощущалось иначе.
Дом стоял. Целый. Невредимый.
Но не там.
Гроза закончилась.

Глава 4

Первое, что я подумал, выйдя из дома, — Что когда меня швырнуло об стену. Меня еще ударило молнией, и я лежу в коме.

И дело было не в ощущениях. Не в воздухе. А в пространстве.

Крыльцо упиралось не в привычный склон с мхом и корнями, а в плотный, утрамбованный грунт. Темный, с примесью гальки. Следы дождя на нем были, но они выглядели иначе. Как будто дождь был другим. Или земля.

Я спустился по ступенькам и замер.

Дом стоял на своем месте. Абсолютно. Та же ориентация, тот же фундамент, тот же уклон. Даже царапина на перилах, которую я заметил еще в первую неделю, была там же.

Но вокруг

Вокруг был вроде мой участок.

Не кусок. Не обрывок. А весь. Целиком. Не считая одной стороны от дома уходящую в лес.

Границы, которые мы наметили еще с Сергеем, угадывались по перепаду рельефа и вырубке. Небольшое поле, которое я планировал под теплицы. Полоса леса, оставленная нетронутой. Спуск к воде.

Я медленно пошел вперед.

Склад.

Контейнер с инструментами стоял на своем месте. Дверь была закрыта. Я дернул за ручку — открылась. Внутри все было ровно так, как я оставил. Генераторы, бензопилы, канистры, крепеж.

Навес.

Под ним — квадроцикл, который я купил «на всякий случай». Шины целые. Тент на месте. Рядом дутики на него.

И машина.

Фургон стоял чуть в стороне, на площадке, где я его и оставил. Мой автодом. Экспедиционный. Грязный, с потеками дождя, с запаской на задней двери.

Он был здесь.

Я обошел его по кругу, коснулся металла. Холодный. Реальный.

— Так — сказал я вслух. — Это уже не галлюцинация.

Подворье тоже было на месте.

Дровник. Запас бревен под навесом. Бочка с водой. Компост. Даже та дурацкая табуретка, которую я забыл убрать, стояла у стены.

Все.

Дом. Машина. Хозяйство. Запасы. Инструменты. Электрика. Техника.

Не перенесся я.

Перенесся участок. Только куда? Я не понимал.

Как будто кто-то аккуратно вырезал кусок земли вместе со всем, что на нем было, и вставил в другую реальность.

Я медленно повернулся, осматривая горизонт.

Тайги не было.

Была равнина. Белесая, холодная, с редкими холмами. Нет лес был. Но дальше и другой. Снег? Нет. Не совсем. Что-то между инеем и пеплом. Земля просвечивала сквозь него пятнами.

Небо было другим. Чище. Глубже. Слишком высоким. И солнце солнце было не таким. Белое. Холодное. Оно не грело, оно освещало.

— Ну здравствуй, — сказал я этому миру. — Будем знакомы.

Я вернулся в дом и первым делом сел за стол.

Не потому, что устал. Потому что мозгу нужна была опора. Привычное действие.

Подожёл к радиостанции, шелкнул тумблер. — Приём, приём. Меня кто ни будь слышит?

Прием!

Покрутил частоты. Тишина в эфире.

Инвентаризация.

Еда — есть. Вода — есть. Топливо — есть. Связь — нет.

Интернет умер. Спутник не ловил. Радио молчало. Как будто вокруг просто не было ничего, с чем можно связаться.

Зато электричество было. Все системы работали штатно. Даже солнечные панели выдавали странные, но стабильные показатели.

Дом функционировал.

И он был здесь.

Я снова вышел наружу и на этот раз пошел дальше. За пределы участка.

И вот тогда я заметил вторую вещь.

Не сразу. Но заметил.

Где-то вдалеке, на фоне равнины, двигалось что-то большое. Медленно. Размеренно. Как живой холм.

Я прищурился. Потер глаза и прищурился еще раз.

Не поверив глазам, дошёл до машины взял бинокль.

Вернувшись к границе участка, поднёс его к глазам.

— Мамонт — выдохнул я, сам не веря словам.

Он был далеко. Но сомнений не было.

И если здесь есть мамонты, значит

— Значит, а что это значит?

Добро пожаловать в сказку, или прошлое или куда-то еще Кирилл Викторович, — про-
бормотал я.

И мне почему-то показалось, что это было только начало.

Я стоял и наблюдал за странным холмом.

Сначала — звук. Низкий, тянущийся, будто кто-то провел ладонью по натянутой коже большого барабана. Не громко, но так, что грудная клетка откликнулась сама собой.

Потом — движение воздуха.

Не ветер. Что-то другое. Плотное. Медленное.

Я стоял у края участка, рядом с тем местом, где начиналась «чужая» земля, и смотрел в сторону равнины. Белесый наст был нарушен широкими, глубокими следами. Они шли ровно. Уверенно. Не спеша.

Мамонт!!!

Теперь уже без сомнений.

Он шел не ко мне. Он шел мимо. По своей линии, по своей дороге, которой здесь, видимо, пользовались давно и регулярно. Просто так вышло, что на его пути внезапно оказался дом. И участок. И я.

Он был огромен. Даже издалека. Седая шерсть, длинные изогнутые бивни, голова, опущенная чуть вперед, будто он постоянно что-то обдумывал. Движения неторопливые, экономные. Никакой ярости. Никакой угрозы.

Мудрый — это слово пришло само.

Я стоял неподвижно. Не потому, что боялся. Потому что чувствовал: любое резкое движение здесь будет лишним.

Мамонт остановился.

Он повернул голову. Медленно. Очень медленно. И посмотрел прямо на меня.
Не глазами. А вниманием.

Это сложно объяснить. Взгляд был, да. Темные, глубокие глаза. Но главное было не в них. Было ощущение, будто тебя взвешивают. Не на силу. Не на опасность. На уместность.

— Привет, — сказал я. Голос прозвучал глупо, но молчать было еще глупее.

Мамонт фыркнул. Пар вырвался из хобота. Земля под ногами слегка дрогнула.

И тут я заметил второго гостя.

Он стоял чуть в стороне, почти сливаясь с фоном. Высокий. Широкоплечий. В плаще из грубой ткани и меха. С копьём в руке.

Человек.

Хотя не совсем.

Он был похож на человека, но что-то в пропорциях, в осанке, в том, как он держался, выдавало другое. Более древнее. Более цельное.

— Не дергайся, пришлый, — сказал он спокойно. Голос был низкий, хриловатый, слова — понятные. Русские. Немного странные, но русские.

— И не дергаюсь, — ответил я. — Стою.

— Вижу, — кивнул он. — Потому и говорю.

Он сделал шаг вперед. Мамонт остался на месте, но его хобот чуть приподнялся, как будто он прислушивался к разговору.

— Ты вышел из-под грома, — сказал человек. — И привел с собой много живого металла.

— Дом, — уточнил я. — И машина?

— Чертог, — поправил он.

Я невольно усмехнулся.

— Пусть будет чертог.

Человек посмотрел на меня внимательнее.

— Ты не из тех, кто бежит или кричит, — заметил он.

— Я уже набегался.

Он кивнул, будто это многое объясняло.

— Меня зовут Грун, — сказал он. — Я иду в Берг-град. Это — Старший, — он кивнул в сторону мамонта. — Он решил посмотреть, кто пришел.

Мамонт снова фыркнул. Мне показалось, что это было одобрение? Или просто констатация.

— Кирилл, — представился я. — Владелец — я запнулся. — Этого всего.

— Владельцы здесь долго не держатся, — спокойно сказал Грун. — А вот хранители — да.

Слова зацепили.

— И что теперь? — спросил я.

— Теперь смотрим, — ответил он. — Ты принес с собой много нового. Это либо благо, либо беда.

— Для кого?

Грун пожал плечами.

— Для всех.

Мы стояли молча. Ветер наконец появился. Он был холодный, сухой, нес в себе запахи, которых я раньше не знал.

— Ты знаешь, где ты? — спросил он наконец.

— Догадываюсь, что не в Сибири.

— Запределье, — сказал Грун. — Земля между. Сюда приходят те, кто устал жить как раньше.

Я хмыкнул.

— Метко.

— Берг-княжество в трех переходах к югу, — продолжил он. — Твое место — на его краю. Пограничье.

— Отличный выбор, — буркнул я.

Грун посмотрел на мой дом. На фургон.

— Ты останешься, — сказал он не вопросом.

— Да.

— Я сообщу о тебе.

Мамонт повернулся и пошел дальше. Медленно, величественно. Как будто убедился, что угроза отсутствует.

Грун задержался еще на мгновение.

— Если переживешь первую зиму, — сказал он, — Мир тебя примет.

И ушел вслед за Старшим.

Я остался один.

С домом. С участком земли, который теперь стоял на карту чужого мира.

Я посмотрел на свой чертог и вдруг понял, что это не убежище.

Это вызов.

После ухода Груна и мамонта тишина стала другой.

Не пустой. Настороженной.

Как будто мир сделал пометку в каком-то своем списке: появился новый объект, проверить позже.

Я еще долго стоял у края участка, пока холод не начал пробираться под куртку. Потом вернулся к дому и закрыл дверь. Просто закрыл. Жест был скорее психологический.

Внутри было тепло и спокойно. Слишком спокойно для места, которое официально оказалось границей чужого государства в чужом мире.

Я включил свет, сел за стол и достал блокнот. Бумажный. Старый. Привычка.

Правило первое: если мир не паникует, значит, и мне не стоит. Правило второе: все странное здесь — норма. Правило третье: техника работает, но это ничего не значит.

Я записал и сам хмыкнул. Отличный набор для выживания. Почти как мотивационные цитаты.

На следующий день я решил пройти дальше.

Не разведка. Прогулка для включения мыслей.

Я взял карабин. Не демонстративно. Просто так спокойнее. Закинул рюкзак, рацию, термос. Будто я просто вышел в лес под Москвой, а не в вот это все.

За границей участка земля менялась заметно. Не резко, но видимо. Мох уступал место жесткой, низкой траве, которая хрустела под ногами, как сухой снег. Камней становилось больше. Некоторые из них выглядели странно — слишком правильные формы, словно их когда-то обрабатывали.

Через пару километров я наткнулся на дорогу.

Не асфальт, конечно. Утоптанная, широкая, с колеями. По ней ходили часто. И не только пешком.

Я присел, осмотрел следы.

Сани. Повозки. Крупные животные. Не лошади. Шире. Тяжелее.

Мамонты, чтоб их.

Взял рацию приём меня слышно? Приём. Ответьте меня слышно? Приём

Возвращаясь, я заметил еще одну вещь.

Мой участок выделялся.

Не только домом. Земля внутри границ была чуть темнее, чуть плотнее. Как будто кусок моего мира тащил за собой свои законы. Свой порядок.

Мне это не понравилось.

Пограничье — плохое место для чего-то, что бросается в глаза.

На шестой день пришли люди.

Трое. Пешком. Без оружия напоказ, но я видел ножи, видел короткие топоры. Обычные лица. Усталые. Не враждебные.

Я встретил их у навеса. Без оружия в руках.

— Здрав будь, хозяин чертога, — сказал старший. — Мы от Берга.

— Уже слышал, — кивнул я.

— Слух быстро идет, — он усмехнулся.

— И что говорят?

Я посмотрел на них.

— Чай будете?

Они переглянулись. Старший кивнул.

Мы сидели за столом. Три местных, я и чайник, который пыхтел, будто тоже участвовал в переговорах.

— Пограничье место нервное, — сказал старший. — Здесь или укрепляются, или уходят.

— Уходят? Куда? Можно вернуться? Завалил я вопросами гостей.

— Нет, вернуться нельзя, по крайней мере я такова не слышал.

— Уходят в другом смысле. Ответили мне.

— Я не планировал ни то ни другое, — ответил я. — Я планирую жить.

— Все так говорят, — он вздохнул. — Потом приходят твари. Или люди.

— Кто хуже?

— Зависит от людей.

Они рассказали немного. Без лишних деталей. Про Берг-княжество. Про Черную Скалу на севере. Про то, что попаданцы здесь — не редкость. Редкость — выжить больше пары лет.

— Почему? — спросил я.

Старший пожал плечами.

— Кто ломается. Кто лезет не туда. Кто думает, что если пришел с силой, то теперь главный.

— А я?

— А ты пока не понятно.

Это было сказано без насмешки. Скорее с уважением.

Когда они ушли, я долго смотрел им вслед.

Потом обошел участок. Проверил забор. Камеры. Датчики. Все работало.

Но ощущение было простое и неприятное:

Ночью я снова не спал.

Смотрел на потолок и думал о том, что городская суeta закончилась. Да.

Но вместо нее пришло что-то другое.

Что-то холодное, не понятное, и опасное.

И мне это почему-то нравилось.

Глава 5

Утро выдалось ясным, но холод пробирал до костей. Солнце стояло низко, светило ярко, однако дыхание сразу превращалось в пар, а пальцы немели через пять минут после выхода из дома. Я вышел на привычный обход участка: периметр, датчики, короткий круг по границе — чтобы убедиться, что за ночь ничего не изменилось. Шаги хрустели по инею, воздух был резким и чистым. Мысли за эти дни вышли из ступора, голова стала немного соображать и принимать действительность.

На полпути, примерно в сорока метрах от юго-западного угла, послышался далёкий кашель мотора. Сначала слабый, потом надсадный, с металлическим стоном. Я остановился и приставил ладонь ко лбу. Из-за холма медленно вылез старый ГАЗ-69 — выцветший до грязно-зелёного, с треснувшим лобовым и дверью, привязанной проволокой. Машина шла рывками, двигатель чихнул в последний раз и заглох, когда бампер почти коснулся границы участка.

Дверь скрипнула. Из кабины выбрался мужчина лет тридцати пяти. Высокий, худощавый, жилистый. Короткая борода, шапка-ушанка, дублёнка с потёртыми рукавами, кирзовые сапоги. На плече — аккуратная брезентовая сумка. Он огляделся, увидел меня и поднял руку в спокойном приветствии. На лице появилась тёплая, открытая улыбка — не наигранная, а та, что появляется у человека, который рад неожиданной встрече.

— Добрый день. Покурить не найдётся? — спросил он негромко, но с живой интонацией.

— Не курю, извини. Развел я руками.

Он коротко кивнул, и тут его лицо изменилось: улыбка ушла, а взгляд стал пристальным.

Незнакомец резко нырнул в машину, достал оттуда автомат, передёрнул затвор и навёл его в мою сторону.

Я от всего увиденного опешил. Начал прокручивать варианты, что делать. Бежать? Кинуться на него? Далеко не успею.

И в этот момент он рявкнул командным голосом, указывая стволом направление. В сторону.

В ту же секунду, послушавшись, я отпрыгнул. Развернувшись, бросил взгляд на то место, которое секунду назад было позади меня. Там ничего не было.

Но незнакомец прицелился и начал стрелять.

И тогда я увидел, как какая-то тварь, почти сливавшаяся с землёй, сменила траекторию от меня и устремилась к своему обидчику. Существо было чем-то средним между ящерицей и змеей, землистого цвета. Его стало видно только благодаря цвету почвы моего участка, на котором оно контрастировало.

Незнакомец стрелял очередями: выстрел, выстрел, ещё. Существо, петляя, бежало к нему и с нескольких метров прыгнуло. Вцепилось лапами, обвив его ногу.

Человек упал. Его трясла мелкая дрожь, глаза закатились, изо рта потекла пена.

Отойдя от шока, я схватил камень двумя руками, подбежал и начал бить со всей силы, куда мог попасть. Удар, удар, ещё удар. Человека перестало лихорадить.

Я вспомнил про нож, висевший на поясе. Схватил его обратным хватом и начал бить. Нож вошёл по рукоять. Я вытащил его — шкура не пробита. Я ударил ещё и ещё. Мразь завизжала.

— Что, больно, скотина?

В этот момент очнулся незнакомец и засунул существу дуло в пасть. Щелчок — и ничего. Он начал пропихивать автомат глубже. И вдруг я обратил внимание на ядовито-жёлтый глаз. Прицелившись, резко опустил нож в глазницу. Тварь задергалась, я провернул нож — и она обмякла.

Я завалился рядом, глубоко дыша. Сердце колотило, вздохи были со свистящим хрипом, как у астматика.

— Жаль, что курить нету, — произнёс незнакомец. — Василий, — он протянул мне руку.
— Кирилл, — я пожал её в ответ. — Кофе будешь?

Глаза у него заметно потеплели.

— Серьёзно? Конечно буду. — И свободной ногой он оттолкнул труп поверженного существа со своего тела.

Мы пошли к дому. Василий шёл рядом, не торопясь, и по пути спокойно осматривал участок. Взгляд внимательный, но не навязчивый.

На кухне я включил кофеварку. Пока она работала, он оглядел интерьер.

— Солнечные панели, автоматика — произнёс он задумчиво. — Уровень. Такого не встречал.

Я поставил две кружки. Он сделал первый глоток, прикрыл глаза на секунду.

— Хороший. Спасибо. Давно не пил заварного.

— Что это было? — спросил я, садясь напротив.

— Местные называют огненный змей. На деле больше похоже на гибрид угря с вараном.

Я поднял бровь в вопросе.

— Ящерица с трупным ядом в пасти и бьющая током, — получил я ответ.

— Местные? — спросил я.

— «Местными» это мы их так называем. Разумные существа. Откуда они — никто не знает, даже они сами. То ли местные, то ли тоже сюда попали, но много поколений назад, так что никто не помнит.

Он отпил ещё глоток и продолжил спокойно:

— Я тоже попаданец. Май, восемьдесят шестого. Ехал на этом самом «козлике». Сестру с работы забрал, ехали домой. Гроза страшная, молния в капот. Очнулись — здесь. Машина целая, мы целые, только вместо дороги — тундра, а впереди шерстистые носороги.

Он сделал паузу, давая мне переварить.

— Обычно люди попадают пешком или на машине. Иногда грузовик, иногда автобус — был случай в девяностые, целый автобус с туристами перенесли. Но чтобы с домом, как ты, — такого почти не бывает. Говорят, пару сотен лет назад целая деревня попала, с избами и скотом. Правда или нет — не знаю.

— Восемьдесят шестой? А возраст? — спросил я.

— По паспорту шестьдесят один. По ощущениям и виду — тридцать — тридцать пять. Здесь со всеми попаданцами так. Сначала молодеешь быстро: год-два — и сбрасываешь двадцать пять — тридцать лет. Болезни уходят, шрамы бледнеют, суставы забывают, что болели. У меня колено в армии было разбито — теперь как новое. Потом процесс сильно замедляется. Стареешь примерно втрое медленнее, чем там. Может, вчетверо. Никто точно не мерил. Да и сам понимаешь: возраст — вещь абстрактная, у каждого он свой.

Я кивнул. Василий посмотрел на меня.

— Мне в город надо, с докладом князю. Я у тебя машину оставляю? А сам двину.

— Зачем оставлять? Мне, походу, тоже не мешало бы туда сгонять. Предлагаю тебя подвезти.

Новый знакомый кивнул. — Добро!

— А откуда знаешь об умном доме и технологиях?

— Откуда я знаю, что это такое? За годы сюда попадало много дальнобойщиков. У них всегда много фильмов. В кабинах были мобильные телевизоры, потом DVD, ноутбуки. Один даже проектор с сабвуфером привёз — небольшой, но громкий. Да и у других попаданцев: у кого на телефоне, у кого на флэшке — с собой новинка какая записана. Теперь в Берге кино показывают. Люди собираются в большом амбаре, князь выделил под это дело. Смотрят боевики, сериалы, мультфильмы. Публика смешанная: кто-то при царе родился, кто-то из двухтысячных. И всем интересно.

Он улыбнулся — спокойно, с теплотой.

— У нас уже библиотека фильмов и музыки собрана. Жёсткие диски, MP3. У тебя, наверное, тоже немало?

— Есть, — ответил я. — Фильмы, сериалы, музыка. Несколько терабайт точно есть. Последние сезоны перед отъездом тоже записывал.

Василий кивнул с деловым интересом.

— Тогда вот что. Составь список самого свежего. То, чего здесь ещё не видели: новые фильмы, альбомы, сериалы на обрыве сезона. Всё это в городе можно очень неплохо обменять. На пару месяцев спокойной жизни точно хватит: еда, патроны, инструменты. Люди здесь скупают не по еде, а по новому — по историям, по музыке, под которую можно работать или просто посидеть вечером.

Он посмотрел на меня.

— Если есть действительно последние новинки — сразу запиши на несколько флешек или дисков. В городе точно возьмут. Князь такие вещи поддерживает — понимает, что это людей держит в тонусе. Ну и ты сразу о себе заявишь как человек, который принёс пользу.

— Список подготовлю, — ответил я. — Посмотрим, что здесь неизвестно.

Василий удовлетворённо кивнул.

— Хорошо. Тогда по приезду зайдём ко мне — покажу, где у нас кинотеатр и кто за прокат отвечает. Заодно с сестрой познакомлю. Она у нас культурными делами занимается. Будет рада свежему материалу.

Он допил кофе, аккуратно поставил кружку и встал.

— Ты к князю тоже идёшь?

— Да. Хочу понять, где оказался и какие здесь правила.

Василий улыбнулся спокойно и доброжелательно.

— Правила простые. Держи слово. Не ври. Не бойся. И не думай, что самый умный. Здесь главное — договариваться. Жить можно!

Я кивнул.

— Тогда давай так. «Скиталец» тянет полторы тонны. Твой «козлик» — не больше четырёхсот. Прицепим на жёсткую сцепку и поедем.

— По рукам, — ответил он без лишних слов. — Давно не ездил на нормальной машине.

Через час мы закончили сцепку: две металлические штанги и четыре стяжных ремня — всё надёжно и жёстко. Василий работал молча, но уверенно.

Перед выездом он подошёл к своему «козлику», провёл ладонью по капоту.

— Спасибо, старина. Служил честно.

Глава 6

Василий запрыгнул в кабину с явным удовольствием, плюхнулся на капитаское сиденье, откинулся назад, вытянул ноги и вдруг резко обернулся, оглядывая всё пространство за спиной. Глаза его округлились.

— Нихера себе автодом!? — воскликнул он с неподдельным восторгом.

Я усмехнулся, заводя двигатель.

— Экспедиционник!

— Именно экспедиционник. Автодом — это другое.

Василий повернулся ко мне всем корпусом, явно ожидая продолжения.

— В чём разница?

Я тронулся с места, медленно выводя машину на колею. «Козлик» послушно потянулся следом за нами.

— Автодом строится для комфортного проживания на стоянке. Полноценная кухня, душ, туалет, большая кровать, шкафы, телевизор. Всё это увеличивает вес от трёх с половиной и выше, требует сложных систем водоснабжения, канализации, газа. Кузов высокий, окна большие, подвеска мягкая. Задача — создать иллюзию дома.

— А этот? Василий постучал костяшкой пальца по торпедо.

— Мой — экспедиционная база. Всё лишнее убрано. Открытое пространство от кабины до задней двери. Спальное место трансформируемое, кухня минимальная, душ портативный. Если всё сложить, можно даже как грузовик использовать. Зато увеличенные баки, лебёдки, защита снизу, солнечные панели, дополнительные аккумуляторы, розетки 220в., автономный отопитель, система фильтрации воды, полный комплект инструмента и запчастей. Вес не больше современного внедорожника, проходимость выше, расход ниже. Надёжность максимальная: всё дублировано. Здесь комфорта меньше, а функциональность больше.

Василий провёл ладонью по обшивке, постучал по полке.

Мы ехали молча несколько минут. Дорога — грунтовка с колеями — требовала внимания. Пейзаж за окном был монотонным и немного угнетающим: бескрайняя, слегка холмистая равнина, покрытая бурой, пожухлой травой и редкими чахлыми ёлками. Небо — слишком высокое и бледное.

— Слушай, Василий, — нарушил я наконец тишину. — Ты начал про этот мир может продолжишь? Объясни, но только без эпичных легенд. Как есть. А то до тебя меня пытались осведомить. Но если честно я вообще ничего не понял. Как будто на другом языке разговаривают.

Василий вздохнул, потёр переносицу.

— Ладно. Только без легенд не выйдет, тут всё вокруг — одна большая легенда. Но попробую на пальцах.

Он указал вперёд на горизонт.

— Вот есть мир. Наш, старый. И есть этот. Умники-попаданцы, те, что ещё не свихнулись от изысканий, считают, что миры эти слоёные. Лежат друг на друге, как страницы в мокрой книге. Иногда они проступают. Чёрная Скала на Северном полюсе — это дырка. Место, где страницы слиплись и порвались. И через эту дырку что-то сочится. Иногда — просто энергия, странные явления. Иногда — люди, звери, техника. Это и есть Зов.

— Почему?

— Хрен его знает, — честно развёл руками Василий. — Есть гипотеза, что Скала не просто дыра. Она сканирует. Ищет что-то. Что именно — загадка. Но чаще всего она хватается одиноких. Уставших. Отчаявшихся. Или, наоборот, тех, кто в момент сильного стресса или ярости крикнул в душе: «Да пропади всё пропадом!». Ты вот какой был перед грозой?

Я вспомнил тоску, пустоту, ощущение клетки.

— Тихий. Пустой. Просто хотел, чтобы всё это закончилось.

— Ну вот. Тихий запрос на прекращение. Скала его услышала. Но ты — случай особый. Меня покорило.

— Заявка от кого? И кому? Если честно один хрен не понял.

— Вот это — вопрос на миллион, — усмехнулся Василий. — Люди всю свою новую жизнь его изучают. Кто-то говорит — это машина, сломанный механизм. Кто-то — что это живое существо, древнее и непонятное. Кто-то — что это бог, который болен. Но факт в том, что мы все здесь, а не там. Мне кажется, что все, кто что-то понимает просто делают умный вид.

Василий показал рукой направление, и мы свернули на более наезженную дорогу. Вдали показались силуэты невысоких гор, сизых и зубчатых.

— Ладно, про Скалу — потом. А кто здесь вообще живёт? Кроме нас, «зовных»? Что за местные?

— Живут разные и по-разному, — начал Василий, и я почувствовал, что сейчас последует долгий рассказ. Но он неожиданно спросил: — Ты «Властелина колец» читал?

— Фильм смотрел.

— Близко, но не то. Не эльфы, не гномы, не орки. Но аналогии для твоего понимания сойдут. Коренные народы.

Он загибал пальцы.

— Первые — Чудь белоглазая. Лесной народ. Высокие, стройные, живут по семьсот-девятьсот лет. Кожа как бы серая, глаза светятся в темноте. Живут в лесах, в домах-деревьях, которые сами выращивают. Мастера по иллюзиям и договорам с духами. Если увидишь в лесу огонёк, а рядом никого — это они. К людям относятся с холодным любопытством, как к шумным опасным зверькам. С людьми у них договор: мы их леса не жём, они нам не строят козни.

— Эльфы, — заключил я.

— Похоже. Но без пафоса и длинных волос. Больше похожи на мрачных лесных отшельников.

— Вторые — Чудь Подгорная. Те — в горах. Коренастые, кожа как камень, глаза — как угли. Живут в пещерах, солнце не любят. Великие кузнецы и камнетёсы. Добывают «Спящий камень» — он у них и светит, и энергию держит. Хитрые, жадные, обидчивые. Но если договориться — лучше доспехов и оружия не найти. Торгуют с нами.

— Гномы.

— В самую точку. Только бороды не такие роскошные.

— Третьи — Менквы. Их ещё Племенем Сильных зовут. Рослые, широкие, шрамы по всему телу вместо татуировок. Кочуют в степях на шерстистых носорогах — буграх. Живут по закону силы: кто сильнее, тот и прав. Шаманы у них кровожадные, магия — чтобы тело усиливать да врагов пугать. Для наших окраин — постоянная головная боль. Некоторые кланы с князем договорились о перемирии, но оно хрупкое.

— Орки.

— Самые что ни на есть. Только не зеленокожие, а с лицами, как потрескавшаяся земля да и страшные они не то что орки.

Я долго молчал, переваривая.

— А люди? Наши, я имею в виду.

— А люди делятся на две ветви. Исконные — потомки древних попаданцев, ещё праславянских времён. Живут деревнями, пахут, охотятся. Культура — смесь нашего старого, дремучего, и местных верований. Говорят, на диковинной смеси. Нас, новых попаданцев, они считают «небесными», немного безумными, но полезными. Мы, зовные — это все, кого Скала прихватизировала в последние века. От князя Андрея (1921 года) до тебя. Мы — диковинка, угроза и надежда в одном флаконе. Нас ценят за знания. И побаиваются за непредсказуемость.

— За какую ещё непредсказуемость? — насторожился я.

Василий посмотрел на меня искоса.

— Ну как тебе сказать. У зовных, у тех, кто задержится здесь подольше, проявляются способности. Не у всех. Но у многих.

Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

— Типа магия?

— Не та, что у коренных. У тех магия — от мира. От договоров с духами, от рун, от песен. Медленная, ритуальная. А у нас — он замялся, подбирая слова. — Она от нас самих. Изнутри. Как будто Скала, выдёргивая нас, что-то в душе шевелит. И оно просыпается. И это не та магия как принято считать. Нельзя в академии научиться огнем швыряться и порталы открывать. Больше, наверное, слово дар подойдет.

Я посмотрел на него.

— У тебя есть?

Василий усмехнулся.

— Слабое. Чутьё на дорогу. Чувствую, где проехать можно, где нет. Не ошибаюсь. Но это ерунда. По сути, оно у всех есть просто можно даже не заметить. Есть люди, у которых посильнее. Один мой знакомый, бывший сварщик, может металл нагревать взглядом. Другой, парень из десантуры, — в разы ускоряться на несколько секунд. Врач одна — руки у неё лечебные, раны заживляет. Но у всех одно: сила эта — личная. Она от характера, от профессии, от той травмы, с которой человек сюда попал. И она опасная. Может вырваться, если не контролировать.

Мы проехали мимо одинокого полуразрушенного сруба. На его крыше сидела ворона, проводившая нас равнодушным взглядом.

— А что со мной будет? — спросил я тихо.

— Не знаю, — так же тихо ответил Василий. — Но, если начнётся — не пугайся. Иди сразу к князю. Ну не прям к нему. У него люди есть, которые помогут понять и обуздать. Главное — не скрывай. Неконтролируемая сила здесь — хуже вражеского отряда.

Он помолчал, потом добавил уже обычным тоном:

— Так вот. Берг-княжество — это наша попытка выжить всем этим зоопарком. Князь Андрей, наш основатель, попал с отрядом белогвардейцев и обозом. Сумел не сдохнуть, договориться с частью местных и построить это. Берг-град — столица. Каменный кремль, деревянные стены, внутри — всё, от изб до мастерских с генераторами. Управление — военная демократия. Князь наверху, но есть совет из старейшин, военных и наших, разных специалистов. Держимся. Иногда даже живём, а не просто выживаем.

— И что, никто не пытался обратно? Через Скалу?

Василий горько рассмеялся.

— Пытались. Экспедиции снаряжали. Никто не вернулся. Или возвращались не теми. Скала — она в одну сторону работает. Как клапан. Поэтому и живём здесь. Строим потихоньку.

Я смотрел на дорогу, но почти не видел её. В голове гудело от информации. Слой реальности. Дырявая Скала. Эльфы-гномы-орки. Внутренняя магия. Княжество-убежище.

— И что мне теперь делать? — спросил я почти машинально.

— Жить, — просто сказал Василий. — Сначала — договориться с князем. Показать, что ты не идиот и не маньяк. Потом — обустраивать свой чертог. Дружить с людьми. Учиться. А там видно будет. Главное — запомни правило Запределья.

— Какое?

— Никогда не думай, что ты всё понял. Мир всегда найдёт способ тебя удивить. Обычно — самым неприятным образом.

Впереди, в разрыве между холмами, показались думы. Много дымов. И тёмный часток столб стен.

— Берг-град, — объявил Василий, и в его голосе прозвучала нота гордости и усталости.
— Дом, милый дом.

Машина медленно катилась к воротам, над которыми на высоком шесте развевался тёмно-зелёный стяг с вышитым мамонтом. Я вдруг поймал себя на мысли, что мне страшно, но это уже не животный, парализующий страх неизвестности. Это было другое. Тяжёлое, холодное чувство ответственности. Осознание, что назад дороги нет. И что теперь всё по-настоящему.

Я взял с подлокотника почти полную бутылку воды и сделал большой глоток.

— Ну что ж, — сказал я сам себе. — Приехали.

Глава 7

Ворота Берга росли по мере нашего приближения, теряя расплывчатость дальнего плана и обретая грубую, внушительную конкретность. Это не была красивая крепость из фэнтезийных романов. Это было суровое, утилитарное укрепление, выросшее из необходимости выживать. Высокий частокол из заостренных бревен, почерневших от времени и непогоды, опирался на мощную земляную насыпь. По верху шёл боевой ход, над которым возвышались несколько смотровых башен, больше похожих на гигантские скворечники. На самой высокой, центральной башне, развевался тот самый тёмно-зелёный стяг – знак княжеской власти.

У самых ворот движение было оживлённее. Телеги, запряжённые лохматыми, низкорослыми лошадами, сани с поклажей, пешие люди в мехах и тулупах – всё это медленно просачивалось внутрь под неспешным, но бдительным взглядом стражи. Наши современные очертания «Скитальца» с прицепленным «козликом» на общем фоне смотрелись как космический корабль, случайно захвативший на средневековую ярмарку. На нас оборачивались все.

Стража у ворот была не многочисленной, но выглядела серьёзно. Четверо. Двое с алебардами стояли по бокам от створок, ещё двое, вооруженные тем, что с первого взгляда можно было принять за обычные автоматы Калашникова (но при ближайшем рассмотрении – сильно изменённые, с деревянными прикладами странной формы и какими-то насечками на ствольной коробке), нам преградили путь. Старшим был мужчина лет пятидесяти, с аккуратной седой бородкой и холодными, привычными оценивать глазами. Он не поднял оружие, но его осанка говорила: «Дальше – только с моего разрешения».

Василий, не дожидаясь, пока я остановлюсь, открыл дверь и прыгнул на землю. — Степан Михайлович! В добром здравии!

Старший, Степан Михайлович, кивнул, но взгляд его не отрывался от «Скитальца» и от меня, сидевшего за рулём. — Василий Петрович. С возвращением. Живой, целый. Слухи, как водится, ввали. — Да шли они лесом, эти слухи, — отмахнулся Василий. — Привёз новенького. С пограничья. Кирилл Викторович.

Взгляд Степана Михайловича стал ещё пристальнее. Он сделал шаг вперёд, косясь на колёса. — Хороша чертовка иностранная. Аномалию видели. Сильный электрический разряд на северо-востоке. Это ваших рук дело?

Голос был без обвинений, но и без приветливости. Чисто констатация факта. — Моё, — ответил я через открытое окно. — Гроза была странная. — Понимаю, — сказал страж, и по тому, как он сказал, было ясно, что он действительно понимает, о чём речь. Он обошёл машину, оценивающе постучал по крышке, заглянул в окно. — Въезд на механизированном транспорте внутрь стен без личного разрешения князя запрещён. Ставьте свою буханку там, у конюшен. под навес, он с охраной. Да и «козлика» пристроим.

Василий повернулся ко мне. — Правила. Лучше перебдеть.

Спорить не имело смысла. Я сдал назад, объехал ворота по утопанной грунтовке и припарковал «Скитальца» под длинным крытым навесом рядом с большими деревянными конюшнями. Рядом стояли телеги, сани и один старый, выдавший виды грузовик ГАЗ-51 без колёс, превращённый в своеобразный сарай для инструментов. Рядом, греясь у маленькой бочки-печки, сидел стражник в тулупе, с тем же гибридом винтовки и автомата. Он кивнул нам, но подниматься не стал.

— Всё, теперь пешком, как все смертные, — сказал Василий, когда двигатель замолчал, и наступила оглушительная, по контрасту, тишина. — Чем быстрее доложишь князю, тем быстрее получишь разрешение и статус.

Мы прошли через ворота пешком. И город обрушился на меня в полную силу.

Это не был город в привычном понимании. Это был гигантский, хаотично растущий укрепленный лагерь, постепенно обраставший бытом. Узкие, кривые улочки, мощеные не булыжником, а утрамбованной землёй и деревянными щитами в самых топких местах. Запахи — те же, что снаружи, но в разы концентрированное: дым, навоз, человеческий пот, стружка, хвоя, варёная каша и где-то далеко — сладковатый душок вытапливаемого жира. Дома были в основном одноэтажные, рубленые, с крутыми крышами, покрытыми тёсом и дёрном. Окна — маленькие.

Люди. Их было много. Они несли дрова, толкали гружёные тачки, чинили плетень, просто стояли и о чём-то говорили. Одежда — причудливая смесь: меха, домотканое сукно, грубые штаны, валенки, а у некоторых — явно фабричные куртки советского или более позднего образца, потёртые, заплатаемые, но узнаваемые. Взгляды, скользившие по мне, были разными: у стариков — настороженными и оценивающими, у молодых — живыми, любопытными. Василия многие узнавали, здоровались короткими кивками.

Мы поднимались вверх, к каменной цитадели, венчавшей центр поселения. Это уже было другое качество: массивные бревенчатые стены на каменном основании, настоящие, пусть и небольшие, крепостные башни. Над главным входом висел чугунный щит с тем же мамонтом. Стража здесь была иной: люди в добротной, хотя и разнородной полевой форме и пластинчатых жилетах, с современными, но тоже видоизменёнными автоматами. Их лица были бесстрастны.

Один из них, молодой парень с жёстким взглядом, шагнул вперёд. — Василий Петрович. Князь ждёт в малом зале. Гости просят пройти сразу.

Нас провели внутрь. После уличного холода и запахов в коридорах цитадели было сухо, тепло и пахло деревом, воском и старыми книгами. Полы — грубо отёсанные каменные плиты. Стены — обшитые тёмным деревом. Двери по бокам были закрыты, но из-за некоторых доносились голоса.

Малый зал оказался просторным, но аскетичным. Длинный дубовый стол, за ним — семь человек. И все они смотрели на нас, когда мы вошли.

Во главе стола сидел князь Андрей Берг.

Вот он, человек-легенда. На вид — лет шестьдесят, но в этой реальности это могло означать что угодно. Высокий, сухощавый, с прямой, военной выправкой. Лицо — изрезанное морщинами, как карта трудных дорог. Седые волосы коротко подстрижены. Но глаза глаза были ясными, острыми, светло голубого цвета. В них читался не возраст, а опыт, тяжесть принятых решений и неусыпный, холодный ум. На нём был простой, но качественный тёмно-зелёный китель без знаков различия, поверх — накинута меховая безрукавка. Перед ним лежала развёрнутая карта, испещрённая пометками, несколько листов бумаги и армейская алюминиевая фляжка.

Он не встал, лишь поднял взгляд от карты.

Василий выпрямился, отдал что-то вроде чести — не совсем воинскую, но явный жест подчинённого. — Господин князь. Вернулся. И привёл новенького, владельца дома на северном рубеже. Кирилл Викторовича.

Князь кивнул, его взгляд перешёл на меня. Он изучал меня несколько секунд, не скрывая этого изучения. В зале было тихо. — Докладывайте кратко, Василий. Что на Северном хребте?

Голос у князя был негромкий, немного хриловатый, но отчётливый. В нём не было ни гостеприимства, ни угрозы. Была требовательность.

Василий сделал шаг вперёд. — Два разлома, господин князь. Один старый, частично обрушившийся. Второй образовался позавчера. Лёд треснул на протяжении примерно полуверсты. Из трещины идёт чёрный, едкий пар, температура аномально высокая для этих мест. Сопровождается низкочастотным гулом, без чёткого ритма. По всем признакам — похоже на предвестники прошлогоднего прорыва урочища Айла.

По лицам сидящих за столом пробежала тень. Князь медленно кивнул, как будто подтвердил свои худшие ожидания. — Спасибо, Василий. Отдохни. Тебе слово позже.

Затем он снова посмотрел на меня. — А вы, Кирилл Викторович, представьтесь по подробнее. И объясните, что привело вас в Запределье. Говорите прямо. Церемонии здесь не в чести.

Я сделал шаг вперёд, чувствуя себя на экзамене, от которого зависит всё. — Кирилл. Из Москвы. Был перенесён вместе с жилым домом, участком земли и транспортным средством из Сибири. Из нашего мира, 2025 год. Причина переноса, как я понимаю, — аномальная гроза. Более глубоких причин не знаю.

— Ваши навыки? Ресурсы? — вопрос следовал сразу, без пауз. — Инженерные и строительные. Опыт управления бизнесом предприятием, — поправился я. — Ресурсы: полностью автономные системы жизнеобеспечения дома. Электричество от солнечной энергии, водоподготовка, отопление, связь. Знания в области электроники, механики. Транспортное средство, также подготовлено для длительной автономии и движения по бездорожью.

— Что вы можете предложить Княжеству? И какие условия ставите? — Его тон не изменился. Это был деловой разговор, торг.

Я уже продумал этот ответ. — Как я понимаю мой дом оказался на стратегически важном участке. Предлагаю как минимум организовать опорный пункт запитанный от моих мощностей. Могу предоставить доступ к схемам и принципам работы моих систем. Помощь в наладке и ремонте сложной техники. Консультации. В обмен прошу гарантий безопасности для моего имущества и личности. И возможность жить на своей земле, не становясь подданным без моего согласия. Я готов к сотрудничеству.

В зале послышался лёгкий шорох. Какая-то женщина лет сорока, в потёртой кожаной куртке, тихо произнесла: — С домом целым домом

Князь поднял руку, и шорох стих. — Прямо и без излишней патетики. Это хорошо. — Он откинулся на спинку простого деревянного кресла. — Ваши системы энергоснабжения. Значит можно на их основе обеспечить светом и теплом, скажем, отдалённый пост или мастерскую?

— Скорей всего да, — ответил я. — При наличии материалов и квалифицированных рук. Солнечные панели, инверторы, контроллеры — всё это с троекратным запасом, дом таких мощностей не потребляет. Также есть генераторы дизельные и бензиновые. Но я не знаю как обстоят дела с топливом в этом мире. Моего запаса на долго не хватит.

Князь медленно кивнул, его взгляд стал чуть менее отстранённым, более заинтересованным.

— Топливо есть. Делаем. — Вы сказали «связь». Какая? — Спутниковая — не работает. Радиосвязь в диапазонах УКВ и КВ — и мобильные рации на несколько километров.

— Достаточно, — заключил князь. Он обратился к остальным. — Ваши соображения?

Первой заговорила та самая женщина в кожаной куртке. — Если его системы действительно можно использовать, это решает проблему энергозависимости северных застав. Они сидят на керосине и дровах. Но само поселение на пограничье — уязвимая точка. Его придётся укреплять. И содержать там гарнизон.

Мужчина лет пятидесяти, с одутловатым лицом, добавил: — электричество это свет в мастерских без дыма и копоти. Это зарядка для приборов. Это, потенциально, питание для насосов, вентиляции. Это серьёзный шаг. Но нужно понять, как они поведут себя в наши зимы, при наших аномалиях.

Третий, суровый мужчина с лицом вояки и шрамом через лоб, высказался коротко: — Техника у него вроде бы годная. Машина. Но одна машина — не армия. И он — не солдат. Пока непонятно, актив он или обуза.

Князь выслушал всех, не перебивая. Потом снова посмотрел на меня. — Вы останетесь в Берг-граде до утра. Василий позаботится. Завтра утром, после совета, вам будет объявлено

наше решение о вашем статусе и условиях. Доступ в цитадель и в инженерные архивы вам будет закрыт до этого момента. Ваше транспортное средство остаётся под охраной. Вопросы?

Вопросов у меня было море, но задавать их сейчас было бессмысленно. — Нет, — сказал я.

— Ещё одно, — добавил князь, и его голос стал чуть жестче. — Если у вас начнут проявляться необычные способности — а у большинства это происходит. — вы обязаны сообщить мне или кому-то из доверенных лиц немедленно. Мы не преследуем за это, но требуем контроля и обучения. Неконтролируемая сила опасна для всех. Для вас в первую очередь. — Понял, — ответил я.

Князь поднялся. Все остальные за столом, тоже встали. — На сегодня всё. Отдыхайте. Аудиенция была окончена. Нас мягко, но недвусмысленно вывели из зала.

Глава 8

В коридоре Василий вытер невидимый пот со лба.

— Вась поясни, что это было у князя?

— Ты о чём? Идя чуть впереди обернувшись, спросил Василий.

— Ну это... «Господин князь»! Как ты честь отдал?

— А, это... — усмехнулся Василий. — Это компромисс межвременного культурного слоя! — выдал он, подняв указательный палец вверх.

— Чего? — протянул я.

— Ну, Кирилл, сам посуди. Его призвали княжить те, кто жил тут как старославяне. Так?

— Ну, наверное.

— Поэтому он князь, — Он царский офицер, я — офицер Красной армии. И как мне к нему обращаться — «товарищ» или «ваше благородие»? Вот и был найден компромисс. Не забывай: тут люди с разных эпох, тебя самого ещё не раз передёрнет, когда барином назовут.

— Ничего, привыкнешь. Главное Кирилл, это был очень, очень мягкий приём, Кирилл. Он заинтересовался. Это лучший из возможных стартов.

— Он производит впечатление человека, который ведёт сложную партию в шахматы, где фигуры — живые люди, — сказал я. — Так оно и есть, — вздохнул Василий. — Но он играет за нас. За всех нас. Забывать этого не стоит. Ну что, теперь можно и о душе подумать. Пошли к сестре, она, наверное, уже в «Утюге» там и поедем нормально.

Это было уже что-то. Первая, зыбкая точка опоры в этом запредельном мире. Завтра будут новые переговоры. Но сегодня сегодня можно было позволить себе выдохнуть. Ненадолго.

Василий, как будто угадав мои мысли, сказал. — Не забивай голову. Сегодня — твоя победа. А такое здесь надо ценить. И отмечать. Так что пошли, пока Марина домой не ушла.

Выйдя из цитадели в прохладный вечерний воздух, я на мгновение замер, вдыхая смесь запахов Берг-града. После стерильной чистоты моего чертога и строгой каменной атмосферы княжеской резиденции город обрушился на меня какофонией жизни. Я стоял, как дурак, и просто нюхал.

— Запахло? — спросил Василий, наблюдая за мной с ухмылкой. — Да как тебе сказать... — я снова втянул носом воздух. — Это пахнет так, будто лошадь, ель, жареная картошка и кто-то немывтый решили вместе отметить день города. — Точно! — Василий радостно хлопнул меня по плечу. — Это и есть наш родной аромат.

Мы двинулись по узкой улице. Василий деловито кивал знакомым, а я чувствовал себя экспонатом. На меня смотрели. Не враждебно, но с нескрываемым любопытством.

— Не обращай внимания, — буркнул Василий. — Через неделю станешь частью пейзажа. А пока смотри под ноги, здесь тротуары — понятие условное.

Я едва не свернул лодыжку, наступив на особенно художественный выступ бревна. Пока я ругался про себя, мы уже подошли к длинной, приземистой постройке из почерневших бревен.

— «Утюг», — объявил Василий. — Самый культурный очаг на три княжества. Тут и выпьешь, и поешь, и драку посмотришь, и философский диспут при случае. Входной билет — наличие хотя бы одной работающей ноги.

Волна тепла, шума и запахов ударила в лицо. Я зажмурился. Когда открыл глаза, то понял: я внутри гибрида столовой, пивной, клуба по интересам и, возможно, зверинца. У стены дремал огромный пес, похожий на помесь медведя с диваном.

Василий, как опытный лоцман, провел меня между столами к дальнему углу, где за грудой бумаг сидела женщина с лицом библиотекаря, застигнутого на месте преступления.

— Марин, оторвись от своих бумаг, — сказал Василий. — Знакомься: Кирилл, наш новичок. Кирилл — моя сестра Марина. Она у нас всё, что пищит, показывает и шелестит, хранит и классифицирует.

Марина подняла на меня взгляд. Усталый, умный, оценивающий. — Василий, говори, что у вас. Показывайте.

Я почувствовал себя школьником у строгой учительницы. Достал планшет. Она взяла его так, будто это была не хрупкая электроника, а увесистая папка с делами. И погрузилась в изучение.

И вот тут случилось чудо. Ее строгое лицо дрогнуло. Глаза округлились. Она ткнула в экран пальцем так, что я испугался за стекло. — «Матрица: Воскрешение»? Полностью? Четвертая? В ее голосе прозвучала такая детская, неподдельная радость, что я невольно рассмеялся. — Вышла, — кивнул я. — Но, честно? Готовьтесь к разочарованию. Многие говорят, что лучше б она не выходила.

Она посмотрела на меня с внезапной серьезностью.

— Не важно! Я её хочу. — Вы не понимаете. У нас тут есть фильмы, которые обрываются на самом интересном месте. Сериалы, от которых остался только первый сезон. Любая законченность, даже плохая, — это подарок. Это значит, что дыру в реальности можно закрыть. Даже если дыру залатали старыми носками.

Я понял. И почувствовал себя немного виноватым за свой снобизм. — Тогда, — сказал я, — добро пожаловать в мир, где носки хоть и старые, но чистые.

Она продолжила листать, бормоча: ««Дюна» есть, но только первая... «Ведьмак»... четвертый сезон! Да вы сокровище!» Наконец она оторвалась. — Музыка, которую принесли, выкупаю сейчас. Сто сорок серебряных. Это много. За видео — завтра, после сверки с нашими архивами.

Я посмотрел на Василия. Тот, с полным ртом каких-то толи грибов толи еще чего-то, поднял большой палец. — Держи, не сомневайся. На эти деньги можно месяц жить, как князь малый, или кутить пару недель.

Марина положила на стол увесистый мешочек. Я развязал. Внутри лежали монеты. Грубой чеканки, с мамонтом и надписью. Я пересыпал их с руки на руку. Звенело солидно. — Вес чувствуется, — заметил я. — Это чтобы не забывали, что деньги — они материальны, — сказала Марина, собирая свои бумаги. — До завтра.

Она ушла, прижимая планшет к груди, как святую реликвию.

— Ну, теперь официальную часть можно считать завершённой, — с облегчением выдохнул Василий и заорал на весь зал: — Иван! Родной! Выставляй свое лучшее зелье и что-нибудь съедобное, а то гость изнеженный, с непривычки помереть может!

Хозяин, бородач в фартуке, который когда-то, наверное, был белым, неспешно подошел. — Лучшее — оно разное бывает, Василий Петрович. То, что от простуды, то, что от тоски, то, что от воспоминаний... — То, что от всего сразу, и чтобы завтра голова не болела! — Такое только одно есть.

Через минуту на столе стояли две стопки с совершенно прозрачной жидкостью и большой горшок с тушеным мясом, от которого шел дивный, пряный дух.

Я выпил. И не задохнулся. Огонь в горле быстро сменился приятным теплом, а послевкусие было чистым, с легким хлебным оттенком. — Что это? — спросил я с подлинным интересом. — Аптекарский продукт, — с гордостью сказал Иван. — Очистка руной. Никакой сивухи. — Руной? — переспросил я. — Seriously? — Серьезнее не бывает. Пойдем, покажу.

За стойкой висел обычный самогонный аппарат, но на змеевике красовалась каменная пластина с мерцающим узором. — Руна «Чистота», — пояснил Иван. — Выменял у Чуди Подгорной. Вся дрянь в нее уходит. Остается сущность. — А если руна сломается? — Тогда, — вздохнул Иван, — пьем, как все. С молитвой и надеждой.

Мы вернулись к столу. Василий уже накладывал мясо по тарелкам. — Попробуй нашего медведебобра. Зверь, конечно, страшный, вонючий, но если его правильно напугать перед смертью и долго тушить... пальчики оближешь.

Я попробовал. Мясо было темным, волокнистым, с диковинным привкусом — что-то среднее между лосем, рыбой и кедровыми орешками. — Неожиданно, — признался я. — Но хорошо.— Мне как-то кенгурятину довелось пробовать что-то общее есть. — То-то же. А теперь пей, а то остынет.

Мы выпили еще. И еще. Голова зазвенела приятным, далеким звоном. Напряжение последних дней — гроза, перенос, встреча с мамонтом, аудиенция у князя — начало потихоньку отступать, растворяясь в тепле кабака и неспешной беседе. Я заметил, что сию расслабившись, впервые за много дней.

— Знаешь, — сказал я Василию, глядя, как тот пытается поймать ртом соленый гриб. — Я тут сию и думаю. Я попал в другой мир. Видел мамонта. Торговался за музыку. И сейчас сию в баре, где самогон очищают рунами. И знаешь что? Это настолько бредово, что даже перестает пугать. Начинает казаться... нормальным. — Ну вот и славно, — хмыкнул Василий. — А то смотрю на тебя — весь как струна натянут. Расслабься. Мир не рухнет. Он уже был такой до нас. Теперь из обломков строй что-то свое. А строить лучше не на нервах, а на хорошей закуске. Да и нормально здесь, все привыкли, и ты справишься.

К нам подсел мужичек, явно попаданец, с лицом, как складка местности. Узнав, что я новый, спросил: — А у тебя что, правда дом целый перенесло? — Правда. — Повезло. Меня в одних кальсонах выдернуло. Хорошо, хоть кальсоны были теплые.

Мы выпили с ним. Потом пришел охотник, пожаловался, что картымель следы запутала. Не знаю кто это, но мы выпили. Какая-то женщина спросила, нет ли у меня чего-то там я не понял, но сказал что нету. Кабак гудел, как улей. И я, к своему удивлению, чувствовал себя... почти своим. Не городским сумасшедшим, а просто новым парнем в старом, странном, но живущем по своим правилам мире.

— Я, наверное, напился, — констатировал я, обнаружив, что пытаюсь поймать взглядом прыгающее пламя свечи. — Это не ты напился, — философски заметил Василий. — Это мир вокруг тебя стал адекватнее. Проверенный способ.

Хозяин Иван, видя наше состояние, сам принес кувшин воды и ткнул пальцем в сторону узкого коридора. — Вон там, последняя дверь. Два топчана. Падайте. Утром разберемся.

Дойти было подвигом. Мы шатались, как матросы после шторма, опираясь друг на друга. — Ты держись, — сказал мне Василий. — А то упадешь, а я тебя один не оттащу.

В комнате действительно было два топчана, застеленных шкурами. Больше ничего. Василий рухнул на один и почти мгновенно захрапел. Я сел на свой, с трудом стаскивая ботинки. Голова гудела, комната крутилась, но на душе было спокойно.

Я вспомнил свою спальню. Идеальный порядок, кондиционер, дорогое белье. И бессоницу. А здесь — запах дыма, овчины, храп друга (уже друга?), грубые доски под ногами. И сон валил с ног.

«Ну вот, — подумал я, сваливаясь на жесткую шкуру. — Достиг дна. В буквальном смысле. На дне мира. И знаешь что? Не так уж и плохо здесь, на дне. Тихо. И никто не требует квартальный отчет».

Мешочек с серебром я засунул под топчан. Не чтобы спрятать. Просто почувствовать его вес рядом. Тяжелый, звонкий якорь в этой новой, безумной реальности.

И засыпая, я в последний раз услышал гул кабака, чей-то смех и подумал, что, наверное, сойти с ума — это не так страшно, если сходишь с ума не в одиночку. И под аккомпанемент храпа Василия это казалось почти уютным.

Глава 9

Утро началось с того, что кто-то внутри моей головы начал аккуратно, но настойчиво долбить по мозгам тупым молотком. Я открыл один глаз. Прямо над лицом висели черные, пропахшие дымом балки потолка. Второй глаз отказался открываться. Я лежал на жестком топчане, укрытый колючей овчиной, и все мое существо протестовало против факта продолжения жизни.

Из соседнего угла донесся стон. — Господи как же мне плохо, — пробормотал голос Василия. — Кажется, Иван в тот самогон не руну «Очищения» построил, руну «Покаяния». У меня в голове сейчас хор поет похабные частушки.

Я с трудом приподнялся на локте. Василий лежал, уставившись в потолок широко открытыми, страдальческими глазами. Наш «роскошный» номер выглядел еще менее привлекательно при холодном утреннем свете, пробивавшемся сквозь окно чуть больше альбомного листа. Запах стоял соответствующий: перегар, овчина и отчаяние.

— Воды, — хрипло попросил я.

Мы нашли глиняный кувшин, заботливо оставленный кем-то на табурете по среди комнаты, выпели из него все содержимое похожее на кислый морс, и это немного оживило. Одевались молча, с трудом натягивая обувь на одеревеневшие ноги. Выходить на улицу не хотелось категорически.

— Завтрак, — сказал Василий, опираясь о косяк двери. — Надо что-то вменяемое в желудок запихнуть. Иначе померем как герои.

Рассчитавшись с трактирщиком, мы вывалились на улицу. Холодный, резкий воздух обжег легкие, но зато немного прочистил голову. Город просыпался. Дым из труб стал гуще, на улицах закипела работа: кто-то рубил дрова, кто-то гнал скот к воротам, разносчик с тележкой кричал о свежих калачах. Жизнь, обыденная и шумная.

«Утюг», сейчас вызывал у меня исключительно рвотные позывы, Василий повел меня в небольшую, чистую столовую при постоялом дворе. Пахло тут, горячим ржаным хлебом, топленым молоком и какой-то простой, но наваристой похлебкой.

Мы взяли по миске похлебки с мясом (на этот раз, к счастью, не медвебобра, а обычной оленины), по кружке горячего травяного чая и по огромной краюхе хлеба. Сидели, склонившись над мисками, и ели, как после долгого поста. Похмелье потихоньку отступало, уступая место тупой, но терпимой тяжести.

— Ну что, — сказал Василий, вытирая рот льняной салфеткой. — План на день. Первое — тебе нужно встретиться с Мариной. Она, наверное, всю ночь твои списки изучала. Второе — тебя пригласят, скорее всего, к инженерам гильдии. Будут расспрашивать про твои системы энергоснабжения. Третье Третье зависит от первых двух.

— А что с моим домом? С чертогом? — Пока тихо. Дозор посты выдвинул. На долго его без присмотра не оставят. Нужно либо гарнизон ставить, либо — он посмотрел на меня, — либо тебе самому туда возвращаться и обживать по-настоящему. Скорей всего будут заставу ставить. Слишком ценный объект.

Я кивнул, доедая хлеб. Мысли постепенно прояснились. Страх и растерянность отступали, их место занимала усталая, но четкая решимость. Я здесь. Я прошел первый фильтр. Теперь нужно выстраивать свою жизнь. Как специалиста. Как партнера.

— Пойдем к Марине, — сказал я, отодвигая пустую миску.

Архивы, где работала Марина, оказались не в цитадели, а в отдельном, крепком срубе неподалеку. Окна были большими, застекленными, что уже говорило о статусе места. Внутри пахло как в библиотеке старыми книгами. Да легкий запах работающей электроники.

Сама Марина сидела за длинным столом, заваленным не только свитками и книгами, но и несколькими ноутбуками, внешними жесткими дисками и стопками DVD в самодельных коробках. Она выглядела еще более усталой, чем вчера, но в ее глазах горел азарт исследователя.

— А, выжили, — бросила она в нас издевку, не отрываясь от экрана одного из ноутбуков. — Я уже думала, вас Иван своим эликсиром добил. Садитесь. Произнесла она с выдохом как нашкодившим детям.

Мы сели. Она взяла мой планшет, который лежал рядом, и повернула его ко мне. На экране был открыт подробный список с пометками. — Я сделала предварительную оценку. Вот что у нас уже есть в более-менее приличном качестве, вот что есть, но в плохом, вот что есть только так сказать в обрывочных воспоминаниях. — И улыбнулась. — А вот это, — она провела пальцем по целому столбцу, — дефицит. Чистый дефицит. Люди слышали названия, но не видели. Или видели кусок и десять лет гадают, что там дальше. Короче нам это надо первым делом.

Она посмотрела на меня. — Я готова выкупить весь пакет дефицита. Оптом. Цена — три тысячи серебра. Или эквивалент в материалах, инструментах. Это очень большая сумма. Но это того стоит.

Я присвистнул. Три тысячи

Это целое состояние. Икнув, выдал Василий. — Почему так много? — спросил я, не из скепсиса, а из искреннего удивления. — Потому что это не развлечение, Кирилл Викторович, — серьезно сказала Марина. — Это — стабилизация. Для людей, которые сюда попали, эти фильмы, музыка, сериалы — не просто картинки. Это связь с тем, что они потеряли. Это доказательство, что та жизнь была реальной. Это способ не сойти с ума от тоски по дому. А для молодых, которые родились уже здесь, это — окно в мир, которого не было. В мир, откуда пришли их родители. Это образование. Культурный код. Понимаете? Я покупаю не файлы. Я покупаю кусок прошлого для целого поколения. И за это княжество готово платить.

Василий, сидевший рядом, кивнул. — Она права. У нас тут в кинозале по субботам — аншлаг. Смотрят всё подряд. И «Чапаева», и «Терминатора», и мультики про Чебурашку. Для некоторых это единственная радость.

Я посмотрел на список. На названия, которые для меня были просто строчками в каталоге. А для этих людей — целыми вселенными. — Хорошо, — сказал я. — Согласен. Но с двумя условиями. — Какими? — Первое: я отдам вам все файлы даже которые вы не отметили. Раз это так важно для людей. Второе: часть оплаты я хочу не серебром, а помощью. Мне нужны люди, которые помогут укрепить периметр моего участка. И консультация по местным материалам. По тому, что можно использовать вместо материалов, к которым я привык.

Марина улыбнулась. Это была улыбка не губами а сердцем, и она преобразила её строгое лицо. — Договорились. Людей и консультации организуем. Это даже проще, чем выбивать три тысячи серебра из казны. Я сегодня же поговорю со старшим по гильдии строителей. И дам часть носителей для записи.

Она протянула руку. Мы пожали. Сделка была заключена.

— А теперь к умникам, — сказал Василий, когда мы вышли из архива, — следующая остановка. Инженеры и механики. Готовься к зверствам и пыткам.

Гильдия располагалась в большом, просторном ангаре, с кирпичной пристройкой к одной из стен. Скорее всего котельной. Звук из ангара доносился соответствующий: стук молотков, визг пилы, гул генераторов и запах — священный запах машинного масла, металлической стружки и сварки.

Нас встретил человек, которого невозможно было представить нигде, кроме как среди станков. Лет сорок, в промасленной телогрейке, лицо уже в небольших морщинах и вечных

парапинах, но глаза — живые, яркие, жадные до всего нового. Это был Геннадий Степанович, старший мастер.

— А, новичок! — рявкнул он, еще не подойдя близко. — Говорят, у тебя там? Электричество есть лишнее рассказывай, не томи!

В мое время солнечные панели были только в калькуляторах откуда 220 взялось? Следующие два часа я провел, объясняя принципы работы солнечных панелей, контроллеров заряда, инверторов. Геннадий Степанович и трое его помощников слушали, затаив дыхание, задавая точные, умные вопросы.

— А износ, как скоро они испортятся? — Отремонтировать можно? — А самим такие сделать можно?

— Срок службы 25 – 30 лет и они не сломаются а КПД упадет немного. — Повторить, наверное, можно. — Проблема в кремнии, — сказал я в конце.

— Кремний — Геннадий Степанович почесал затылок. — У Чуди Подгорной, у камнерезов, есть кристаллы, которые свет накапливают. Другие принципы, но Может, адаптировать можно. Надо думать.

Когда мы, наконец, вырвались из ангара, был уже полдень. Я чувствовал странную усталость — не физическую, а ментальную. Слишком много новой информации, слишком много контактов.

— Ну что, герой? — спросил Василий, кушая купленную по дороге лепешку с сыром. — Выдержал огонь, воду и инженерные мысли. Теперь ты у них в каталоге как ценный специалист. Это лучше любой охраной грамоты.

— Да, — согласился я. — Похоже на то.

Мы шли по улице, и я вдруг осознал, что уже немного ориентируюсь. Вот кузница, вот кожевенная мастерская, вот колодец. Я узнавал лица. Мир, который вчера был чужим, сегодня начал обретать контуры, детали. Он все еще был безумным, но в нем появились точки опоры.

Вечером нас снова вызвали в цитадель. В небольшом кабинете князя. Он был один. — Садитесь, — сказал он, указывая на стулья. — У нас принято считать, что гора просто так ничего не делает. Явно ваше появление на границе не случайно. Призвать к службе я вас не могу. Решение совета следующее. Вам предоставляется статус «гостя-специалиста» с правом проживания на вашем участке. На пограничье будет выставлен постоянный дозор пока из десяти человек. Построена застава, пара дворов и мастерские. Вы обязуетесь консультировать наших инженеров и по мере сил, помогать в модернизации ключевых объектов. За это вам гарантируется защита, снабжение и право на часть доходов от внедренных с вашей помощью технологий. Вы не являетесь подданным, но обязаны соблюдать законы княжества. Согласны?

Я посмотрел на Василия. Тот еле заметно кивнул: «Бери». — Согласен, — сказал я четко. — Хорошо. Завтра вам выдадут соответствующие документы и выделяют людей для первого этапа укрепления вашего «чертога». Вы можете возвращаться на свою землю через три дня. До этого — ознакомьтесь с городом, найдите себе помощников, если нужно. Василий вам в помощь.

Когда мы вышли, я почувствовал, как с плеч свалилась гора. Официально. Легально. У меня был статус, права, обязанности. Я не был призраком, не случайной аномалией. Я стал частью системы.

— Поздравляю, — сказал Василий. — Теперь ты не просто Кирилл. Ты — Специалист Кирилл. Звучит, да?

— Звучит, — улыбнулся я.

Вечером мы снова зашли в «Утюг». Уже без попытки напиться, просто поужинать. Иван, увидев нас, хмыкнул: — Что, опять за эликсиром? — Нет, Иван, — сказал я. — Сегодня просто поесть. И спасибо. — За что? — у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.